

НА РАМПУ ДАН СВЕТ...

МУЗЫКАЛЬНЫЙ театр им. Станиславского и Немировича-Данченко открыл сезон. На рампу дан свет, и перед зрителем пестрой палитры являются «Цыганский барон», «Ничий студент», «Прекрасная Елена». На смену томным вальсам «Штраусыня» спешат «Сопериды» и прочие дитяца хореографии. В этом разноликом хоророде почти отсутствует опера и в первую очередь — отечественная опера. Даже «Евгений Онегин», когда-то определивший творческое лицо и бытие театра, еще не вышел к началу сезона из репертоари.

Театр сосредоточил внимание и силы на подготовке премьеры оперы Оффенбаха «Сказки Гофмана». Тутто и начались крупные идеологические ошибки и небезопасная за них расплата — творческая неудача.

Театр начал эту работу в весенние годы. Уже тогда, в героической атмосфере, которой жила страна, театру стало ясно, что уподобившееся либретто «Гофманиады» уходит далеко в сторону от истинного искусства, к откровенной проповеди декаданса и эстетствующего символизма. В самом деле, не о том ли трактуют призрачные видения «Гофманиады», рожденные в чаду и пьяном угаре нюрнбергского погребка?

Спасая музыку Оффенбаха от этого либретто, театр избрал к опере «оборный» пролог и формально «эпистолический» эпилог. Эти наивные

попытки нового истолкования текста оказались в кричащем противоречии с «идейным» смыслом всего основного либретто. Неминуемо они должны были увлечь театр в дебри новых ошибок. Спектакль оказался в полном несоответствии с нашим сегодняшним днем, с актуальными запросами зрителя.

Обубликование решений ЦК ВКП(б) во вопросам искусства и доклад тов. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» помогли театру осознать, наконец, весь вред и опасность дальнейшей воли с мистико-упадочнической тематикой либретто «Сказок Гофмана». Задуманная премьера не увидела света.

Образовавшуюся брешь должны заполнить новые оперные постановки. Нельзя же и впрямь одному из ведущих музыкальных театров страны безмятежно кейфовать сейчас на далеком не первоклассном опере Штрауса, каким является оперетта «Цыганский барон», или на пугебной музыке «Ничего студента» Миллере. Напомним: эта музыка была написана уже в те времена, которые предвещали полную деградацию искусства музыкальной комедии на Западе.

Нельзя довольствоваться театру и бледной музыкой, которая снимается на заказ по мотивам того же Штрауса («Штраусыня»), или музыки второстепенного композитора Гертеля («Сопериды»).

Стоит хотя бы бегло пересмотреть основной, оперный, репертуар театра за последние годы, и в нем явственно обнаружится такое же вытеснение русской музыки произведениями западного искусства и притом очень разного качества. Долго бы еще дело шло о Верди. Хотя совершенно

непонятно, почему Верди, и один только Верди, должен господствовать на сцене («Травиата», «Риголетто», «Вал-маскарад») в то время, когда из классических русских опер театр сохранил в текущем репертуаре лишь «Царскую невесту» за минипитора Римского-Корсакова («Князь бесмертный», «Моцарт и Сальери»). И ни одной советской оперы!

Как же могло случиться, что театр имени Станиславского и Немировича-Данченко, начертанный на знамени зинеты своих основателей — борьбу за новаторство, реализм и современность в искусстве, — оказывается в ятях перед лицом явнейшей современности именно сейчас, в эпоху героических подвигов советского народа и великого строительства послевоенных лет?

Ведь нельзя сказать, что театр стоял в стороне от жизни. В первую же суровую военную зиму, в фронтной обстановке, театр, например, сумел показать оперу «Суворов» композитора С. Василецко, спектакль, посвященный славному прошлому русской истории, явился живым и современным откликом на разгром фашистских полчищ под Москвой.

Следом за «Суворовым» прозвучала опера В. Микрорусова «Чапаев» и, наконец, «Надежда Снетлова» И. Дзержинского. Композитор попытался в этой опере отобразить еще в дни войны великую тему героической борьбы Ленинграда.

Ни одна из этих постановок не сохранилась сейчас в репертуаре. Почему? В спектакле «Суворов» при всех его сценических достоинствах (постановщик — П. Марко и П. Румянцев) не оказалась прочной музыкально-драматургической основы,

не оказалось главного — полноценного музыкального образа самого Суворова. В сущности, задача художественного обобщения средств музыки героической темы свелась к иллюстративному изображению эпизодов из жизни Суворова.

Наибольшим упреждением отмечена опера «Надежда Снетлова». Великую героико-эпическую тему борьбы осажденного Ленинграда, тему мужества, любви и верности, лейтмотивы оперы восприняли как погонд для саптиментальной мелодрамы.

Все ли сделал со своей стороны театр, чтобы добиться высокого качества и либретто и музыки этих опер? Нет! Театр шел на поводу и помирился с тем, с чем не может быть никакого примирения, — с идеологическими и художественными пороками произведений.

А выход, к которому пришел после этого театр, только умножил его ошибки. Вместо дальнейшей работы над советской оперой руководители театра покорно признали неудачу и, потеряв вкус к дальнейшей борьбе, заняли своеобразную «нейтральную» позицию по отношению к советским произведениям.

Теперь театр пересматривает свой творческий портфель. Кроме несбыточных предположений, в нем конкретно наличествуют две оперы: Сергея Прокофьева «Обручение («Дуэнья»)» по Шеридану и Тихона Хренникова — «Фрол Скобеев». Первая снова уведит зрителя за Запад; вторая предлагает ему путешествие в отечественную, но седую старину.

Сейчас театром рассматривается новая опера композитора Энке «Любовь Яровая». Осознав ошибки прошлого, творческий коллектив театра готов заново вернуться к рабо-

те над старой постановкой оперы Тихона Хренникова «В бурю». Но, — и тут надо решительно предостеречь театр и композитора — реставрация старого спектакля без коренной переработки либретто и самого музыкального материала лишь умножит серию творческих ошибок. Нельзя отрицать талантливости отдельных страниц этой оперы Хренникова, но нельзя и забывать об огромных идейно-художественных изъянах произведения в целом. Напомним, что самым беспристным оказалось в опере музыкальный образ центрального героя, выступающего большевика, в кульминационной сцене приема холоком Лениным и Кремле не была решена ни музыкально, ни драматургически.

Разумеется, перечисленные нами замислы театра являются только черными попытками встать на новый путь. За время, проведенное театром на «нейтральной» позиции по отношению к советской опере, творчество наших музыкантов-драматургов получило иное развитие. Мы имеем в виду не произведения советских композиторов, написанные на любые, хотя бы «доисторические» темы. Мы имеем в виду те произведения, которые прослежены жизнью советского народа, людям, задачам и событиям нашей современности.

Комитет по делам искусств начал систематический просмотр новых опер. Можно назвать целый ряд таких опер, которые ждут широкого общественного обсуждения и оценки. Такими, например, новые работы, находящиеся в разных стадиях завершения: «Севастопольцы» Марьяна Кошля, «Непокоренные» Ияева Дзержинского, оперы Ваис Мурадиде о Серго Орджоникидзе, Нины Маха-

ровой («Мужество»), Т. Левинской о гражданской войне на Украине и др.

Мы не касаемся вопроса о качестве всех этих произведений. К сожалению, многие из них не исполнялись даже там, где они давно должны были бы прозвучать, — в первую очередь в оперной комиссии Союза советских композиторов. Нечего и говорить, что эта история оперной драматургии почти неизвестна художественному руководству наших театров.

А театр еще раз перенесся к театру Станиславского и Немировича-Данченко. Ошибки прошлого должны стать суровым уроком. Требуется не только их признание и осуждение, но и действительные плоды. Театр заведомо не отвечает сейчас предъявляемым к нему общественным запросам. Театр не может далее существовать в являющейся атмосфере полного отрыва от боевой современной темы. Настало время деятельности полного отрыва от боевой современной темы. Настало время деятельности художественного руководства выступать с развернутой творческой программой, способной привлечь к театру широкие круги музыкантов и драматургов. Эту программу должна подкрепить энергичная готовность участвовать на всех этапах в создании будущих спектаклей.

Ведь именно в театре Станиславского и Немировича-Данченко, при всех ошибках и недостатках прошлого, накоплен, пожалуй, наибольший опыт в работе над советской оперой. Новой плодотворной работы над образами, воплощающими лучшие черты и качества советских людей, жаждет талантливый и крепкий театральный коллектив.

Е. Канн.